

Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23.

Блѣднѣй луны сидѣлъ недвижимъ онъ...
Вдругъ слышнѣть топотъ—ближе, все яснѣе...
Вотъ мчится въ полѣ конь; какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,
И вѣтся что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летитъ быстрѣе...
Знакомый бѣгъ... Вотъ близко, прискакалъ,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ и палъ,

24.

Недвижно, безъ дыханья конь лежитъ...
На немъ, колеблясь, плещетъ покрывало,
По вѣтру развѣваясь, и бѣжитъ
Кровь, чуть примѣтно, струйкой алой...
Къ коню въ смущеннѣй Акбулатъ спѣшитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
— «Спасибо, другъ, не выдашь ты меня!» —
И гладитъ онъ издохшаго коня.

25.

Вотъ покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой приподнялъ рукою.
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?

Глубоко въ грудь, какъ скорпионъ, свинецъ
Впился, насытая кровью молодую;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

26.

Какъ раннѣй свѣтъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью, и луна,
По гладкому челу скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый при-
Послѣдняя улыбка исчезала, [зракъ сна,
И, ощутивъ, рѣшницы бахромою
Бездумный взоръ таила подъ собой.

27.

Узналъ ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ еще тому лишь день назадъ?..
Все стало ясно—и надъ мертвой Зарой
Терзаешь грудь и рвешь одежды онъ,
Зовешь ее, но... крѣпко въ мертвыхъ сонъ!.

28.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети гранулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата.
И чей-то смѣхъ, мучительный и злой,
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

29.

И ницъ упалъ искуганный народъ...
«Молитесь, дѣти!.. Это—смѣхъ шайтана!» —
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко.. Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось,
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробуди-
лась,—
Ее невольно обнялъ смутный страхъ,—
И быстрымъ бѣгомъ въ горы устремилась;
И, спавшіе подъ сѣнію скалы,
Взвизывая съ крикомъ дикіе орлы.

31.

Да упадетъ проклятiе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пушай булатъ въ рукѣ его дрожащей
Измѣнить въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманить взоръ его блестящій!
Пушай одинъ, бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32.

Да упадетъ проклятiе Аллы
На голову убійцы молодого!
Пушай умереть не въ битвѣ—отъ стрѣлы,
А дома—отъ разбойника ночного,
Иль полумертвый на хребтѣ скалы
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова!
Пусть зной палитъ, и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!..

33.

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,—
Пушай Пророкъ свой отворитъ взоръ
И грозно молвитъ: «О, тебя я знаю!..»
Тогда, понявъ извѣтельный угоръ,
Воскликнетъ онъ: «Прости мнѣ, умоляю!..»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!..»

34.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда, въ туманный день, черкесъ,
Объ немъ вздохнувъ, рассказываетъ нынѣ,
При малыхъ дѣтяхъ... И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынь,
Напрасно молвитъ казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?..»